

minibo**OK**

ФРАНСУАЗА САГАН

**СМУТНАЯ
УЛЫБКА**

**Москва
2016**

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
С13

Françoise Sagan
UN CERTAIN SOURIRE

© Editions Julliard, Paris, 1956

Оформление серии А. *Старикова*

В оформлении обложки использованы иллюстрации:
borojoint, OGr / Istockphoto / Thinkstock / Gettyimages.ru,
Zoonar RF / Thinkstock / Gettyimages.ru;
Yayayoyo / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Саган, Франсуаза.

С13 Смутная улыбка / Франсуаза Саган ; [пер. с фр. А. К. Борисовой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 128 с. — (Minibook).

ISBN 978-5-699-91856-0

Вышедший из-под пера великой Франсуазы Саган следующим после бестселлера «Здравствуй, грусть», роман «Смутная улыбка» нисколько не уступил в успехе дебютному роману и только закрепил славу писательницы.

Подобно виртуозной музыке, эта книга отражает огромный диапазон человеческих чувств, она вызывает улыбку и печаль, трепет и упоение, она волнует и трогает, восхищает изяществом, лиричностью и тонкостью стиля.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-699-91856-0

© Борисова А., перевод на русский, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Любовь — это то,
что происходит между двумя людьми,
которые любят друг друга.

Роже Вайан

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

После двенадцати мы сидели в кафе на улице Сен-Жак, это был обычный весенний день, такой же, как все. Я немного скучала, потихоньку; пока Бертран обсуждал лекцию Спайра, я бродила от проигрывателя к окну. Помню, облокотившись на проигрыватель, я засмотрелась на пластинку, как она медленно поднимается, потом ложится на сапфировое сукно, прикасаясь к нему нежно, будто щека к щеке. И, не знаю почему, меня охватило сильное ощущение счастья: в тот момент я вдруг физически остро почувствовала, что когда-нибудь умру, и рука моя уже не будет опираться на этот хромированный бортик, и солнце уже не будет смотреть в мои глаза.

Я обернулась к Бертрану. Он смотрел на меня и, увидев мою улыбку, встал. Он и мысли не допу-

скал, что я могу быть счастлива без него. Я имела право на счастье только в те минуты, которые были важными для нашей совместной жизни. Я уже начала понимать это, но в тот день мне это было невыносимо — и я отвернулась. Рояль и кларнет, чередуясь, выводили «Покинутый и любимый», мне был знаком каждый звук.

Я встретила Бертрана в прошлом году, во время экзаменов. Мы провели бок о бок беспокойную неделю, пока я не уехала на лето к родителям. В последний вечер он меня поцеловал. Потом он мне писал. Сначала о пустяках. Затем тон его изменился. Я следила за этими изменениями не без некоторого волнения, и когда он написал мне: «Смешно так говорить, но, кажется, я люблю тебя», — я не солгала, ответив ему в том же тоне: «И правда смешно, но я тоже тебя люблю». Это вышло как-то само собой, вернее, внешне было созвучно тому, что написал мне он. В доме моих родителей, на берегу Ионны, было не очень весело. Я ходила на высокий берег и, глядя на скопище желтых водорослей, на их колыхание, начинала бросать шелковистые, обкатанные камешки, черные и стремительные на глади волн, как ласточки. Все лето я про себя повторяла «Бертран», думая о будущем. В конце концов, договориться о взаимной страсти в письме было вполне в моем духе.

И вот теперь Бертран стоял позади меня. Он протягивал мне стакан. Я обернулась, и мы ока-

зались лицом к лицу. Он всегда немного обижался на то, что я не принимала участия в их спорах. Я любила читать, но говорить о литературе мне было скучно.

Он никак не мог к этому привыкнуть.

— Ты всегда ставишь одну и ту же мелодию. И знаешь, я ее очень люблю.

Последнее он постарался сказать равнодушно, и я вспомнила, что первый раз мы слушали эту пластинку вместе. Я постоянно обнаруживала в нем ростки сентиментальности — он помнил какие-то вещи, служившие вехами в нашей связи, которые моя память не сохранила. «Ведь он ничего не значит для меня, — вдруг подумала я, — мне скучно, я ко всему равнодушна, ничего не ощущаю, ровным счетом ничего». И снова чувство какого-то бессмысленного возбуждения подступило к горлу.

— Мне нужно повидать моего дядю-путешественника, — сказал Бертран. — Ты пойдешь?

Он прошел мимо меня, и я последовала за ним. Я не знала дядю-путешественника и не испытывала ни малейшего желания его узнать. Но что-то заставляло меня идти за этим молодым человеком, глядя на его чисто выбритый затылок, соглашаться, не сопротивляясь, а тем временем в голове моей проносились обрывки мыслей, холодные и ускользающие, как маленькие рыбки. Впрочем, я чувствовала к Бертрану нежность. Мы шли с ним по бульвару, звуки

наших шагов сливались так же, как ночью сливались наши тела; он держал меня за руку; мы были такие изящные, так хорошо смотрелись, как на картинке.

Пока мы шли по бульвару и стояли на площадке автобуса, который вез нас к дяде-путешественнику, я любила Бертрана. Из-за тряски меня бросало к нему, он смеялся и обнимал меня, защищая от толчков. Я прислонилась к нему, к его плечу, к мужскому плечу, такому удобному, чтобы положить на него голову. Я вдыхала его запах, он был мне хорошо знаком, он волновал меня. Бертран был моим первым любовником. Это благодаря ему я узнала, как пахнет мое собственное тело. Так всегда, благодаря телу другого мы узнаем собственное, его длину, запах, сначала с недоверием, потом с признательностью.

Бертран говорил мне о своем дяде-путешественнике, которого он, видимо, не любил. Он рассказывал о его поездках так, будто это была сплошная комедия; Бертран постоянно выискивал комедии в чужих жизнях, так что начал побаиваться, не разыгрывает ли комедию и он, сам того не замечая. Мне это казалось комичным. Его это приводило в ярость.

Дядя-путешественник ждал Бертрана на террасе кафе. Когда я заметила его, то сказала Бертрану, что он весьма недурен. Но мы уже подошли к нему, он поднялся.

— Люк, — сказал Бертран, — я пришел с подругой, это Доминика. Это мой дядя Люк — путешественник.

Я была приятно удивлена. Я подумала: «Очень даже ничего этот дядя-путешественник». У него были серые глаза, лицо усталое, пожалуй, грустное. Он был по-своему красив.

— Как прошла последняя поездка? — спросил Бертран.

— Отвратительно. В Бостоне пришлось заниматься скучнейшим делом о наследстве. Всякие заплесневелые адвокаты суют носы во все углы. Очень надоело. А что у тебя?

— У нас через два месяца экзамены, — сказал Бертран.

Слова «у нас» он подчеркнул. В этом была супружеская сторона Сорбонны: говорить об экзаменах, как о грудном младенце.

Дядя повернулся ко мне:

— Вы тоже сдаете экзамены?

— Да, — сказала я неопределенно. (Моя деятельность всегда заставляла меня испытывать некоторый стыд.)

— У меня кончились сигареты, — сказал Бертран.

Он встал, и я проследила за ним взглядом. Он шел быстро, упругой походкой. Когда я порой думала, что весь этот набор мускулов, рефлексов, матовой кожи принадлежит мне, то всегда считала это удивительным подарком.

— Чем вы занимаетесь кроме экзаменов? — спросил дядя.

— Ничем, — ответила я. — Всякой ерундой. — Я вяло махнула рукой.

Он поймал мою руку на лету. Я смотрела на него озадаченная. В голове моей пронеслось: «Он мне нравится. Немного староват, и он мне нравится». Но он опустил мою руку на стол и улыбнулся:

— У вас все пальцы перепачканы чернилами. Это хороший признак. Вы успешно сдадите экзамены и будете блестящим адвокатом, хотя по вашему виду не скажешь, что вы разговорчивы.

Я засмеялась вместе с ним. Мне захотелось, чтобы он стал моим другом.

Но тут вернулся Бертран; Люк заговорил с ним. Я не вслушивалась в их разговор. Люк говорил медленно, у него были большие руки. Я подумала: «Типичный соблазнитель юных девиц моего склада». Я насторожилась. Не настолько, впрочем, чтобы не почувствовать легкого укола, когда он предложил нам позавтракать через день всем вместе, но уже с его женой.

Глава 2

Два дня до этого завтрака у Люка прошли довольно скучно. Да и в самом деле, что мне было делать? Готовиться к экзамену, от которого я не

ждала ничего особенного, валяться на солнце, заниматься любовью с Берtrandом без особенной взаимности с моей стороны? Я, впрочем, любила его. Доверие, нежность, уважение — я не пренебрегала всем этим, мало думая о страсти. Такое отсутствие подлинных чувств казалось мне наиболее нормальным способом существования. Жить, в конце концов, значило устраиваться как-нибудь так, чтобы быть максимально довольным. Но и это не так легко.

Я жила в частном пансионе, населенном одними студентами. Хозяева отличались широким взглядом на вещи, и я спокойно могла возвращаться домой в час, в два ночи. У меня была большая, с низким потолком комната, совершенно голая, потому что мои первоначальные планы как-то ее украсить быстро провалились. От убранства комнаты я требовала одного — чтобы оно мне не мешало. В доме царил тот самый провинциальный дух, который я так люблю. Мое окно выходило во двор, огороженный низкой стеной, над ней кое-как примостилось небо, всегда урезанное по краям, зажатое со всех сторон небо Парижа, иногда вырывавшееся в убегающую даль над какой-нибудь улицей или балконом, волнующее и нежное.

Я вставала, ходила на лекции, встречалась с Берtrandом, мы завтракали. Библиотека Сорбонны, кино, занятия, террасы кафе, друзья. По вечерам мы ходили на танцы или шли к Берtrandу,

лежали в постели, занимались любовью и потом долго разговаривали в темноте. Мне было хорошо, но всегда во мне, словно теплое живое существо, был этот привкус тоски, одиночества, порой возбуждения. Я говорила себе, что у меня, должно быть, просто больная печень.

В пятницу, до завтрака у Люка, я зашла к Катрин и посидела у нее полчаса. Катрин была подвижна, деспотична и непрерывно влюблена. Я не столько дорожила ее дружбой, сколько ее терпела. Она считала меня существом хрупким, незащищенным, и мне это нравилось. Иногда она даже казалась мне удивительной. Мое равнодушие ко всему представлялось ей чем-то поэтичным, так же как оно долго представлялось поэтичным Бертрану, пока его не захватило желание обладать, всегда такое требовательное.

В этот день она была влюблена в одного из своих двоюродных братьев и очень длинно рассказывала мне об этой идиллии. Я сказала ей, что иду завтракать к родственникам Бертрана, и сама вдруг заметила, что уже немного забыла Люка. И пожалела об этом. Почему я не способна рассказать Катрин такую же нескончаемую и наивную любовную историю? Она даже этому не удивлялась. Мы с ней прочно утвердились каждая в своей роли. Она рассказывала — я слушала, она советовала — тут я уже не слушала.

Встреча с Катрин выбила меня из колеи. Я отправилась к Люку без всякого энтузиазма. Даже

со страхом: надо разговаривать, быть любезной, казаться веселой. Насколько приятнее было бы позавтракать одной, вертеть в руках баночку с горчицей, и чтобы не было никакой ответственности, ни малейшей, совершенно никакой. Когда я пришла к Люку, Бертран был уже там. Он представил меня жене своего дяди. У нее было открытое, доброе, очень хорошее лицо. Крупная, немного тяжеловесная, светловолосая. В общем, красивая, но не вызывающая. Я подумала — она из тех женщин, которых многие мужчины хотели бы иметь рядом с собой, женщин, умеющих давать счастье, словом, ласковых, мягких. Ласкова ли я? Надо будет спросить у Бертрана. Конечно, я брала его за руку, не кричала на него, перебирала его волосы. Но ведь я вообще терпеть не могла кричать, а моим рукам нравилось ласкать его волосы, теплые и густые, как мех какого-то животного.

Франсуаза с самого начала отнеслась ко мне очень мило. Показала мне квартиру — отлично обставленную, наполнила мне рюмку, усадила в кресло, заботливо и непринужденно. Неловкость, которую я чувствовала из-за своей немного поношенной юбки и обвисшего свитера, почти прошла. Ждали Люка, он был на работе. Я подумала, не надо ли мне проявить хоть какой-нибудь интерес к профессии Люка, чего, вообще говоря, я никогда не делала. Мне хотелось спрашивать у людей: «Вы влюблены? Что